

ДОМ НА КУЙБЫШЕВА, 10

Ирина Михайловна Дубовицкая родилась в Ленинграде. Окончила исторический факультет Таджикского государственного университета, работала корреспондентом республиканских газет, на Гостелерадио РТ, главным редактором многотиражных газет в Душанбе, преподавала на факультете журналистики Российско-Таджикского (Славянского) университета. Автор коллективных монографий, фантастического романа, повестей и очерков в книге «У врат Востока», более 1500 статей, опубликованных в печатных и электронных СМИ России, Китая, Таджикистана и Узбекистана. Живёт в районном центре Новосергиевка Оренбургской области.

Если обычная цепочка лишается одного или нескольких звеньев, то это легко заметить: она попросту разваливается. В отличие от неё, цепь исторических событий обладает такой способностью, что может в глазах последующих поколений оставаться целостной даже тогда, когда из неё вырываются не одно или два, а целые фрагменты звеньев. Правда, в этом случае она перестаёт быть собой, становясь лишь призрачным отражением произошедшего. Часто процесс этот необратим. Но иногда случаются чудеса, когда звенья неожиданно появляются из небытия, проявившись в той или иной личной человеческой истории.

Сухие, пожелтевшие от времени странички дневников бывших сталинабадцев обычно хранят для своих владельцев на первый взгляд мелкие и незначительные детали типа запаха подгоревшей манной каши, который на всю жизнь запомнился родившейся

здесь в эвакуации популярной советской актрисе Людмиле Чурсиной, или сводок, составленных бойцом пожарной части Сталинабада Эмилем Брагинским, в будущем сценаристом фильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром!». В них могут проявиться и такие, к примеру, казусы биографии, как учёба на столяра в Ходжентском ремесленном училище Владимира Войновича, будущего автора романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Но только на первый взгляд эти детали — незначительная подробность. Для всех нас. И особенно для тех, кому они, как зарубки на сердце, напоминают о детстве и юности...

«Осенью 1942 года, — вспоминает активистка Комитета солдатских матерей Москвы Р.Н. Цирлина, — когда бои уже шли на границе Чечено-Ингушской республики (здесь, в Малгобеке, немецкие войска были остановлены), ушёл из Грозного эшелон... Остановились и разгружались мы на станции Регар, где прожили некоторое время, пока решалась дальнейшая судьба нашего госпиталя. В памяти также не сохранилось, когда, на каком этапе пути произошло его расформирование. Но приютом для нас стала не улица, а один из классов в школе, где все спали на полу вповалку... Здесь, в Регаре, впервые увидела арык, с чем потом ежедневно встречалась в Сталинабаде...»

Арыки, пёстрые среднеазиатские базары, добрые, гостеприимные таджики в полосатых толстых халатах — чапанах, зима, больше похожая на весну, и весна, похожая на лето, — всё это запомнилось и автору знаменитого «Дракона» Евгению Шварцу, и выдающемуся учёному, первому директору Таджикской астрономической обсерватории при Совнаркоме Таджикской ССР Игорю Станиславовичу Астаповичу, актёрам Московского театра-студии А. Дикого, создателям республиканского Русского драматического театра им. В. Маяковского Маргарите Волиной и Георгию Менглету, знаменитым киноактёрам Сергею Мартинсону и Фаине Раневской, в судьбе которых солнечный Таджикистан оставил такое же глубокое впечатление, как и они в его. Их узнавали, замечали, ими гордились и равнялись на них не только коренные сталинабадцы, но и россияне, вместе с ними переживавшие здесь эвакуацию.

«В декабре 1942 года, — пишет далее в своём дневнике девушка из Грозного, — мама была зачислена на работу в Сталинабадский эвакогоспиталь № 1447. Жили мы в центре города, недалеко от госпиталя и рядом с семьёй его начальника Б.Я. Сорокина... Недалеко от нас, в одном из театров города свои спектакли давал Ленинградский театр комедии — театр Н. Акимова, в те годы также эвакуированный в Таджикистан... Не менее интересовал и удивлял

нас восточный базар... Вообще же базар, а в ещё большей степени так называемая толкучка, или барахолка, стали частью нашей жизни. Здесь можно было встретить многих знакомых артистов. А в памяти как особо любимые остались Лидия Сухаревская и Борис Тенин. На улицах города часто встречали также киноартиста Столярова, тогда очень популярного».

На самом деле на улицах военного Сталинабада в течение одного дня можно было встретить одновременно актрису Марию Бабанову, которая (что сразу все узнали по «беспроволочному телеграфу») способствовала переводу в столицу Таджикистана из Алма-Аты бедствующих там артистов Театра комедии; и знаменитых поэтов Анну Ахматову и Сергея Городецкого; и светил медицинской науки — эпидемиолога, академика Е.Н. Павловского и офтальмолога, профессора Л.Ф. Парадоксова; легендарного дрессировщика Ю.В. Дурова, ведущих актёров Киевской киностудии, Московского «Союздетфильма», Ленинградского театра комедии... Они здесь работали, жили, влюблялись, писали стихи, увлекались конным спортом, строили любимое место отдыха военной и послевоенной молодёжи — Комсомольское озеро, сажали деревья в городском парке им. В.И. Ленина; их дети играли в мушкетёров и королей, учились танцам, игре на скрипке и фортепьяно... А ещё они

учились помогать слабым и беззащитным, учились милосердию, навещая раненых в госпиталях. Тогда любовь к ближнему и взаимопомощь были не пустыми словами, а единственной возможной нормой жизни воюющей с ненавистным агрессором многонациональной Страны Советов.

В разнообразной по тематике, обширной мемуарной литературе о Великой Отечественной войне в числе многочисленных воспоминаний о годах эвакуации есть рассказ о сталинабадском периоде жизни пионера современной астрофизики, одного из основателей Таджикской астрономической обсерватории — профессора Владимира Платоновича Цесевича (сына знаменитого оперного баса П.И. Цесевича), который, чудом пережив в Ленинграде страшную блокадную зиму 1941-1942 гг., эвакуировался с женой и матерью в хорошо знакомый ему Сталинабад. «Город был полон беженцев-ленинградцев, — повествует автор. — Однажды Евгения Павловна (мать В.П. Цесевича. — *И.Д.*) случайно в очереди услышала рассказ о девочке из Ленинграда, потерявшейся в дороге. Мама отошла от неё на станции за кипятком, и в это время поезд тронулся. Так она приехала в Сталинабад, где её определили в детский дом, но, оказавшись одна среди незнакомых людей, потому что все спутники, которые опекали её в дороге, разошлись, девочка впала в состояние глубокой депрессии.

Трое суток простояла, вцепившись в какое-то дерево. Из этого состояния вывести её не могли. Евгения Павловна разыскала эту девочку, забрала к себе, несмотря на то, что сами они находились в ужасном положении. Позже Владимир Платонович и Евгения Павловна удочерили её. Это произошло уже после смерти её матери, которая через некоторое время всё-таки приехала в Сталинабад, но была уже безнадежно больна».

Дизентерия, малярия, тиф косили многих и без разбора. Так остался сиротой и еврейский мальчик из далёкого Киева Аркаша Луковский, чья мать умерла вскоре после переезда в Сталинабад, заболев сначала тропической малярией, а затем и менингитом. Умерли и его сестра с братом. «В Сталинабаде, — вспоминает А. Луковский, — свирепствовала малярия. Мы все переживали приступы этой болезни».

Но юность беспечна. Особенно, когда с тобой рядом друзья. «Мы, дети, — рассказывает он, — были предоставлены самим себе и всё свободное от занятий время играли с соседскими ребятами. Среди них были русские, таджики, татары, ну и, конечно, евреи — украинские, польские, эстонские. Эстонцы были хорошо, даже щеголевато одеты. Помню их узорчатые шерстяные свитеры... Один мальчик показал мне свой красивый кожаный кошелек с тиснёным эстонским

гербом, тремя длинными львами друг над другом. Относились эстонцы к нам свысока. Мы были украинские евреи. Такие же евреи, но из Польши, были уже чем-то непохожи на нас, и старшие отзывались о них нехорошо. Это удивляло меня. Потом я много раз в жизни слышал презрительные, неприязненные отзывы о людях, только потому, что они принадлежали к другой национальности или просто не к той группе, которую считал своей говоривший.

Компанией девяти-двенадцатилетних ребят с нашей улицы верховодила девочка, Шура Спектор. Она была старше всех, умела повелевать своим войском. Все мальчишки были в неё влюблены, я в том числе. Шура была высокая скуластая девочка, жившая до войны во Львове, очень начитанная, с романтическим характером. В 1943 году ей было лет 12-13».

«Шура Спектор... Да ведь это же она — хорошо знакомая мне по Российско-Таджикскому (Славянскому) университету филолог, заведующая кафедрой мировой литературы, профессор Александра Леонидовна Спектор», — подумала я, сражённая неожиданной догадкой. Тотчас набрала номер её телефона. Не сразу сообразив, о ком идёт речь, Александра Леонидовна переспросила: «Вы говорите, он жил в кибитке на улице Фрунзе?»... И вдруг воспоминания нахлынули на неё. Вспомнилось всё: как устраивали

по её режиссуре пышные рыцарские турниры, как сражались дуэлянты сделанными из железных арматурин шпагами на большом пустыре посреди кибиток... Был среди них и тот самый красивый мальчик Аркадий из Киева. Она даже после его отъезда долго переписывалась с ним и однажды послала ему свои стихи... «Да-да. Всё так и было... Кроме Львова. Я жила до войны в Одессе... Ну надо же! Столько лет прошло!»

Удивительно. Но на самом деле так иногда случается, что нити памяти неожиданно протягиваются к нам из прошлого, неразрывно связывая его с настоящим. И вот тогда звенья цепи вновь складываются в единое целое. Когда я писала эту статью, это произошло дважды. Второй раз — во время моей встречи с дочерью известной в республике и за её пределами актрисы театра и кино Софии Туйбаевой и кинорежиссёра, лауреата Сталинской и Государственной премий СССР Камилы Ярматова — Г.К. Пулатовой, с 1985 г. по 1990 г. занимавшей пост министра здравоохранения Республики Таджикистан. Рассказывая о роли здравоохранения в РТ в годы Великой Отечественной войны, она вдруг неожиданно вспомнила о доме, где росла. Так и родился сюжет под названием «Дом на Куйбышева, 10». Наверное, такие дома, как, например, в Москве Дом на набережной, есть в каждом городе. В Сталинабаде таким домом,

как оказалось, был Дом специалистов напротив политехнического института. Строили его в конце тридцатых годов по новой технологии строители-армяне, с ювелирной точностью совмещая местный камень (из которого складывали первый этаж) с привозным кирпичом, который, согласно плану, из экономии предназначался только для верхних этажей. Огромные мансарды по углам возводились как студии для художников. Просторный и удобный дом ещё до войны был заселён видными представителями местной творческой интеллигенции. Здесь, помимо актёров, режиссёров и художников, жили врачи и преподаватели средних и высших учебных заведений республики. В 1941-1944 гг. он ещё больше был «уплотнён» за счёт эвакуированных в Сталинабад семей актёров, учёных, врачей, учителей, военных.

Перечисляя их, Гульнора Камилловна вспоминает прежде всего их детей — тех, с которыми дружила. Первой называет, конечно же, свою ближайшую в то время подругу: «Домрачёва Инна... Мы с ней из кусочков материала делали для раненых кисеты. И ещё мы вместе с ней носили раненым пирожки с капустой, которые пекла моя бабушка. Как-то Инна даже обиделась, когда я отказалась дать ей один. Но я ведь и сама их не трогала, хотя ох как хотелось! Они так вкусно пахли! Но бабушка строго-настрого сказала:

Берзарин и конь Крым

«Это для раненых». Кстати, отец Инны — Виктор Иванович — был хирургом. В госпитале работал и другой наш сосед — врач Хайко Нерсесович Мирзаянц. Позже я узнала, что он был начальником одного из сталинабадских госпиталей. Жил у нас и ликвидировавший в Таджикистане трахому профессор-офтальмолог Л.Ф. Парадоксов. Как сейчас помню, у них с женой детей не было. Была лишь одна собака по кличке Джойка.

Жили в нашем доме уже в конце войны Герои Советского Союза Михаил Иванович Но-

восельцев и Ходи Кенжаев (его квартира была прямо напротив нашей). А также весь период эвакуации рядом с нами, в квартире № 25, жила известная актриса театра и кино Лидия Петровна Сухаревская...»

«Кстати, — после небольшой паузы вдруг сказала Г. Пулатова, — а Вы слышали о первом коменданте Берлина Николае Эростовиче Берзарине?»

«Неужели он тоже в Вашем доме жил?» — думая, что удачно пошутила, с улыбкой ответила вопросом на вопрос я.

«А вот представьте — жил. Вернее, жила его семья: жена Наталья Никитична Просенюк и две дочери — Лариса и Ирина. Младшая. А самого его я видела лишь несколько раз. Помню, как поднимался он по лестнице, — коренастый и подтянутый — казалось, весь подъезд собой заполняет. Кстати, жили они прямо над нами, в квартире № 29. С ними делила жильё украинская семья партработника Шкарбана.

Ирина, с которой я тоже дружила, аж светилась в те дни от радости. Шутка ли, папа приехал! Она сама, наверное, за всю жизнь видела его чуть больше, чем я. Ведь он погиб в автокатастрофе в 1945 году, когда ей было лет восемь!»

Как позже выяснилось, Гульнора Камилловна была права. На самом деле, как мне рассказывал муж Ирины Николаевны —

Халил и Малик Сахибназаровы. 2010

Виктор Александрович Лазук (самой Ирины Николаевны уже нет в живых), об отце она помнила немного. Только то, что очень любила, как он берёт её на руки. Кстати, позже сын Ирины Берзариной – Пётр Викторович – переслал мне по электронной почте фото деда, где он снят со своей маленькой любимой дочуркой, его мамой.

...А прошлое всё не хотело отпускать. Неожиданно для себя я начала открывать всё новые и новые факты о связях генерала с Таджикистаном. В их числе была информация о том, что Николаю Эрастовичу в августе 1943 года в колхозе «Партизани Сурх» Ленинского района был подарен конь по кличке Крым. Ею

я поделилась с Петром Викторовичем, с которым у меня с тех пор завязалась оживлённая переписка. Как оказалось, он почти ничего об этом не знал. Помнил лишь, как о семейной легенде, про какого-то коня с белой то ли звёздочкой, то ли лысинкой на лбу, о котором когда-то рассказывала мама. И при этом показывала фотографию (он её мне выслал). Я пообещала ему, что, как только выяснятся новые факты, обязательно сообщу о них. И факты не преминули выясниться благодаря помощи жителя Ленинского района Изата Мирзоджанова, устроившего мне встречу с самим дарителем коня Крыма – Халилом Сахибназаровым.

Сразу по возвращении из моей маленькой экспедиции я сбросила Петру Викторовичу по электронной почте записку: «Была в «Партизани Сурх» (20-25 километров от Душанбе) у Халила. Он жив (ему 85 лет) и по-прежнему помнит Вашего деда: с трудом говорит по-русски, но чётко выговаривает «Николай Эрастович»! Вспоминал, как Ваш дед в течение двадцати дней его пребывания в Душанбе в августе 1943 года ежедневно на полтора-два часа приезжал к ним домой, чтобы увидеться с конём, который позже получил кличку Крым. Он рассказал, как Н.Э. Берзарин каждый раз любовно обращался с благородным животным, вытирал ему своим носовым платком глаза и

ноздри. Но ни разу не высказал своего желания иметь его. Это Юлдаш-командир (как отца всегда звали земляки) понял сам и в день отъезда Вашего деда из Душанбе на фронт отправился с Халилом и его питомцем-конём на железнодорожный вокзал, чем сорвал отъезд генерала: тому пришлось согласовывать вопрос о живом подарке с Москвой по телефону. Разрешение было получено, и коню выделили товарный вагон и двух сопровождающих солдат. Таким образом, Крым отбыл с Берзариным на фронт. Потом Николай Эрастович не раз писал Сахибназаровым и даже приглашал к себе, когда был уже комендантом Берлина. Был даже согласован вопрос о перелёте из Душанбе. Но неожиданно пришла телеграмма о гибели легендарного генерала.

Во время встречи с Халилом я подарила ему компьютерную распечатку присланной Вами фотографии деда на коне. Один из его родственников, бывший ополченец из ворошиловских стрелков в возрасте около 90 лет, увидев советского генерала на коне и, видимо, испытав при этом острую ностальгию по героическим временам своей молодости, расплакался...

...Нашла старые фотографии Сталинабада в местной администрации. Что смогла, пересняла. В этом мне помог историк-краевед

из Душанбе Гафур Шерматов. После обработки текста и сделанных в колхозе фотографий обязательно вышлю».

Тогда, за множеством дел, фотографию военного Сталинабада П.В. Лазуку я так и не выслала. Вместо фото отправила отсканированное письмо из Музея Красной Армии, где Сахибназаровых благодарили за переданные материалы, относящиеся к периоду пребывания Н.Э. Берзарина в колхозе «Партизани Сурх».

Да... Дома как люди... Они тоже хранят свою историю, давая нам возможность прикоснуться душой к тому, что уже навсегда отошло в разряд ПРОШЛОГО.

Постскрипtum

Как оказалось, прошлое продолжает прокручивать мне свою невесть откуда взятую старую киноленту. Уже перед публикацией, слушая эту зарисовку, Г.К. Пулатова вдруг воскликнула: «Подождите... Я что-то начинаю припоминать насчёт коня... Да, да. Точно. Мы с Ирой и её мамой сидели в каком-то летнем кинотеатре. И Ира (не помню сейчас, в связи с чем) вдруг с гордостью сообщила мне: «А знаешь, у моего папы теперь есть конь, который перепрыгивает через Кремль!» «Ира, замолчи!» — строго одёрнула её мама»...